

Прагматизм, два канона экономической науки, и два либерализма

**Владимир Максович Ефимов – д.э.н., доцент,
независимый исследователь.**

Email: vladimir.yefimov@wanadoo.fr

**Владимир Сергеевич Автономов – д.э.н., профессор, научный руководитель
факультета экономических наук, профессор департамента теоретической
экономики НИУ ВШЭ.**

Email: yavtonomov@hse.ru

В методологической литературе существует точка зрения об имеющих место в экономической науке двух канонах [Райнерт, 2011; Автономов, 2013]. Первый из них, более абстрактный, нацелен на создание отдельной универсальной формализованной экономической теории (физиократия, классика, неоклассика). Второй, более конкретный, ориентирован на непосредственное практическое применение, учет пространственной и временной специфики, связь с другими общественными науками (историческая школа, институционализм). Данное различие не совпадает с разделением на теоретическую и практическую экономическую науку. У каждого из канонов есть своя теория и своя практика. Есть у них и свои философские основы. Нам представляется, что такой основой для второго, более конкретного канона можно считать прагматистскую философию Джона Дьюи.

1. О прагматистской философии Джона Дьюи

Базой для прагматистской философии послужило знание реальных исследовательских практик в естествознании, которое философы – прагматисты распространили на понимание принципиальных черт любого процесса познания и даже любой человеческой деятельности. Основатель прагматизма, Чарльз Пирс, считал, что прагматист должен быть «склонен думать обо всем так, как думают в лаборатории, а именно как о деле эксперимента» [Пирс, 2000, с. 296]. Дьюи характеризовал свою философию тремя важными чертами: акцент на экспериментировании (идеи проверяются в их практическом применении); акцент на изучении индивидуальных событий (изучаются отдельные случаи в конкретных ситуациях, отказ от предложения панацей или открытия универсальных законов); акцент на применение знания для социальных изменений (знания используются для решения конкретных проблем путем изменений и необязательно разрушения существующих институтов) [Dewey, 1973, p. 58].

Центральным понятием в философии Дьюи является понятие inquiry, которое он заимствовал у основателя прагматизма Чарльза Пирса. Его, на наш взгляд,

следовало бы перевести на русский язык как «исследование-расследование». Благодаря выбору понятия исследование-расследование в качестве центрального, видение познания в прагматистской философии кардинальным образом отличается от традиционного, где центральными являются ментальные понятия ощущения, представления, разума. Кроме слова inquiry Дьюи прибегал и к другим оригинальным терминам: «интеллектуальный поиск» (intelligence), «обоснованное рассуждение» (reasoning), «критическая рефлексия» и др. Все они нацелены подчеркнуть деятельностное обретение человеком знания » [Юлина, 2010, с. 173].

Понятие inquiry Дьюи, следя Пирсу, связывал с понятием belief. Заметим, что термин belief в разных русских переводах Пирса толкуется то как «верование», то как «убеждение». Ровно так же как выше, где для обозначения понятия inquiry мы использовали двойной термин исследования-расследования, целесообразно для обозначения понятия belief ввести двойной термин «верование-убеждение», который, как нам кажется, становится более универсальным. Проведение исследования-расследования дает нам в качестве своего результата новое понимание отдельных элементов окружающего нас мира и протекающих в нем процессов, и эта смена нашего понимания есть на самом деле не что иное, как смена нашего мнения (верования-убеждения) относительно затронутых в исследовании-расследовании вопросов. Это новое понимание нередко требует введения новых понятий, с помощью которых и отражается это понимание, его смысл. Конечным же результатом смены верования-убеждения является изменения в наших постоянных, привычных правилах действия, то есть в наших привычках (habits). И опять, для обозначения этого понятия прагматистской философии следует ввести двойной термин, а именно «правило-привычка».

Пирс давно понял природу используемых людьми понятий. По нему, для того чтобы выяснить смысл какого-то понятия, мы просто должны определить, какие последствия, а затем и привычки оно вызывает. Это относится как к обыденным, так и к научным понятиям. Будучи сформулированными и принятыми, понятия абсорбируют и в сжатой форме отражают предшествующий опыт, который вызвал появление этих понятий. Дьюи заметил, что начиная проводить новое исследование-расследование, мы неизбежно отталкиваемся от имеющегося у нас опыта, который был зафиксирован в понятиях и связанном с ними понимании определенного объекта и/или явления, в частности, в понимании принимающем форму теорий. Тем самым эти понятия и теории могут рассматриваться как инструменты познавательного процесса. Отсюда философия Дьюи нередко называется инструментализмом.

Категории «исследование-расследование» (inquiry), «верование-убеждение» (belief), «правило-привычка» (habit), а также еще одно понятие Дьюи - понятие «обдумывание-обсуждение» (deliberation) - позволяют не только пересмотреть философию науки, но также социальную и политическую философию. Джон Дьюи связывает необходимость проведения исследований-расследований с появлением проблемных ситуаций (problematic situation). Использование понятий и теорий для понимания действительности не заменяет необходимости проведения исследований-расследований связанных с появлением новых проблем

требующих своего решения, которые неизбежно вызовут возникновение новых описаний, понятий и теорий. Из-за динамичности и контекстуальности социальной реальности появление новых описаний, понятий и теорий также должно происходить динамично и, безусловно, должно быть контекстным.

Подытоживая вышесказанное можно утверждать, что философия Дьюи есть воплощение деятельностного подхода. Для него «действие не есть внешнее следствие неизменных рациональных принципов и некоторого предварительного обдумывания с целью максимизации полезности или удовлетворения; действие всегда связано с исследованиями-расследованиями (сбором информации, обследованиями, дознаниями), которые нацелены на то, чтобы перейти от проблематичных ситуаций неопределенности и сомнения к ситуациям, при которых эти проблематичность, неопределенность и сомнения уменьшились бы» [Гаррета, 2015, с. 10].

Дьюи считал, что человечество больше всего нуждается в способности суждений на основании фактов. «Мы нуждаемся, писал он, в том, чтобы развить способность (и склонность) искать специфические (particular) виды решений с помощью специфических методов для специфических проблем возникающих в специфических случаях» [Dewey, 1973, p. 53]. Такой подход позволяет избежать как крайнего радикализма, так и крайнего консерватизма, общей слабостью которых, по мнению Дьюи, является «их зависимость от огульных обобщений». Радикализм придерживается точки зрения, что все существующие институты – зло и от них нужно отказаться, а консерватизм считает, что все институты в основном разумны, если только мы «откроем и будем придерживаться их изначального смысла». И тому и другому, считал он «не удается сфокусироваться на конкретных проблемах возникающих из опыта, что позволяет похоронить эти проблемы под огульными обобщениями» [Ibid.]. Отличие своей философии от других Дьюи видел в следующем: «Раньше социальные философии были общими, абстрактными и идеалистическими. Они строили свои аргументы вокруг таких общих концептов как индивидуализм, социализм, коммунизм. Они прибегали к таким огульным обобщениям, как «правительство полезно», «правительство бесполезно» или «институт частной собственности плох». Современная социальная философия избегает таких доктринерских позиций. Она имеет дело с индивидуальными случаями, с конкретными событиями и со связью между индивидуальными случаями и обобщениями. Её задача – формулирование пробных общих принципов из расследования (investigation) подобных индивидуальных случаев, а затем проверка обобщений путем их применения к еще имеющим место другим случаям» [Ibid., p. 60 - 61]. Как выразился Дьюи, «прогресс – это розничный бизнес, а не оптовый. Он осуществляется постепенно, а не сразу» [Ibid., p. 62]. Изменения осуществляют конкретные люди здесь и сейчас на основе знаний полученных и верных также здесь и сейчас.

Название пионерского направления в философии развиваемого Джоном Дьюи нередко вызывает ложную его трактовку. Термин «прагматичный», указывал Дьюи, «означает только правило соотнесения всех рефлексивных соображений с их последствиями для определения их смысла и проверки. Что касается

последствий, то их не следует понимать утилитарно; они могут быть любыми - эстетическими, моральными, политическими или религиозными» [Юлина, 2010, с. 174]. Также не следует трактовать философию Дьюи как проявление агностицизма и релятивизма. Следуя за Пирсом, Дьюи переопределил понятие «истина»: «Выступив против платоновской традиции мысли, Дьюи отверг идею «подлинной и объективной истины», или «Истины с большой буквы». Соответственно отверг он и корреспондентную теорию истины¹. Истина - это инструментальное по своему характеру верование; или удовлетворительное соглашение между субъектом и контекстом, в котором имеет место акт познания. Понятие «верование» предпочтительнее «истины» потому, что открывает простор для сомнения и критики, приглашает к опровержению. Еще лучше понятие «подтверждаемое утверждение» (*warranted assertion*)» [Там же].

Современная мысль, замечает Дьюи, продолжая находиться под влиянием ньютоновской натурфилософии, трактует все существующее как полностью детерминированное. Все, что таковым не является, было исключено из рассмотрения как части природы, то есть объективного. В результате, ментальное было четко отделено от физически естественного. При этом видении, ментальное, конечно, характеризуется неопределенностью. Разум был помещен вне природы, и каким образом он ее познает, стало тайной, а неопределенность стала трактоваться как проявление субъективного начала. Контраст между неопределенным, по которому имеется сомнение, и определенным, детерминированным стал одним из главных признаков, по которому объективное и субъективное были разграничены и противопоставлены друг другу [Dewey, 1929, p. 231 – 232]. При устранении дуализма между теорией (относительно которой предполагается, что она выявляет законы детерминированной внешней среды) и практикой (которая неизбежно связана с неопределенностью внешней среды) противопоставление объективного и субъективного устраняется. Недаром, в подзаголовке своей книги «Поиск достоверности» [Dewey, 1929], Дьюи очень четко формулирует центральный элемент своей философии: «Изучение связи между знанием и действием». Дуализм теории и практики, знания и действия играет, по его мнению, негативную роль в социально-политико-экономической области.

Наряду с преодолением дуализма теории и практики прагматизм был нацелен на устранение субъектно-объектного дуализма, который проистекал из поиска прочного фундамента либо в чувственном восприятии, либо в разуме. Источник этого дуализма у современных ему эпистемологов «Дьюи видел в ложном понимании сознания. Сознание мыслилось в виде некой ментальной сущности, наделенной уникальной способностью к отражению «подлинной реальности». На самом деле, подобной сущности не существует - есть только потребность

¹ Основным вариантом корреспондентной теории истины является «классическая» концепция истины (Платон, Аристотель, Фома Аквинский), согласно которой истина есть соответствие мыслей действительности [Порус, 2010, с. 313].

организма разрешать проблемные ситуации. Деятельность сознания в познании следует понимать как «систему операций, в которых проблемные ситуации либо обозначаются, либо разрешаются» [Dewey, 1929, p. 229]. Поэтому все задействованные в нем элементы являются не «внутренними», а «публичными, наблюдаемыми и верифицируемыми» [Ibid.] ... Философы, искавшие для знания достоверную опору, упускали из виду факт, что их теоретические понятия являлись «инструментами, а не чем-то фиксированным и самостоятельным» [Ibid. P. 187]. Объекты, которые представляются объективно существующими, на самом деле предстают таковыми благодаря проведенным ранее операциям исследования, тестирования и рефлексии. В достижении знания элементы опыта играют функциональную и операциональную роль. Новый взгляд на опыт и познание, писал [Дьюи], исходит из «гипотетического статуса всех данных и предпосылок и апеллирует для своего подтверждения к операциям, способным, когда они носят повторный характер, производить подобные результаты» [Ibid. p. 184]» [Юлина, 2010, с. 172 – 173].

В философии Дьюи можно увидеть альтернативу философским основам мейнстрима современной экономической науки. «Экономический человек» (*homo economicus*) заменяется у Дьюи «человеком познающим», который постоянно в своей жизни проводит исследования-расследования, коллективно приспособляясь к изменяющимся условиям своего существования. Приспособление это осуществляется путем коллективной смены правил-привычек членов определенного сообщества, изменение которых следует корректировке разделяемых членами сообщества верований-убеждений. Корректировка эта происходит на базе проведенных внутри этого сообщества исследований-расследований сопровождаемых коллективными обдумываниями-обсуждениями. На смену рассмотрению взаимодействия людей как столкновения индивидуумов-молекул, что имеет место в неоклассической экономической теории, взаимодействие людей в философии Дьюи происходит на основании следования социально сформировавшимся правилам-привычкам. Следуют им люди не как автоматы, а творчески, выбирая из имеющихся правил-привычек те, которые подходят для применения в конкретных ситуациях, причем выбор этот осуществляется на основе обдумываний-обсуждений. Эти обдумывания-обсуждения в виде дискурсов и составляют ткань человеческих взаимодействий, делая каждого члена этих взаимодействий «человеком говорящим». Вместо взятой экономистами из термодинамики [Майровски, 2012], метафоры равновесия получаемого в результате взаимодействия людей как сталкивающихся индивидуумов-молекул, прагматизм предлагает рассматривать это взаимодействие как динамичное, постоянно сопровождаемое неопределенностью, при котором следование всех участников этого взаимодействия, членов определенного сообщества, общим для членов этого сообщества правилам-привычкам делает их поведение предсказуемым.

В своей книге «Человеческая природа и поведение» [Dewey, 1922] Дьюи специально рассмотрел разницу в модели человека, основанной на расчете выгод и потерь и модели человека, основывающего свое поведение на обдумывании-

обсуждении. По Дьюи, задача обдумывания-обсуждения не состоит в том, чтобы побуждать к действию, выясняя где можно было бы получить наибольшую выгоду. Она состоит в том, чтобы находить выход из затруднительных положений в существовании-деятельности, а также восстанавливать преемственность, воссоздавать гармонию, использовать свободно свои импульсы и перенаправлять привычки. Этим целям и служат наблюдения за существующими условиями и воспоминания о ситуациях, которые имели место в прошлом. Обдумывание-обсуждение начинается тогда, когда в деятельности возникают проблемы и заканчивается выбором курса действий, которые акторов устраивают. Это совсем не похоже на расчет прибыли и убытка, удовольствий и страданий, при которых действующее лицо, актер (actor), вовлеченный в драму, напоминает клерка делающего дебетовые и кредитные записи в свой бухгалтерской книге [Ibid., p. 199].

Дьюи задается вопросом: в чем практическая разница, действуем ли мы под влиянием расчета будущих радостей и неприятностей или исходя из опыта настоящего времени? Ответ он находит в рассмотрении природы предмета обдумывания-обсуждения: «Расчетная теория (*the calculative theory*) имеет в качестве своего предмета будущие чувства, ощущения, при этом действия и мысли являются внешними средствами получения и избегания этих ощущений. Если такая теория и имеет какое-то практическое влияние, то оно состоит в рекомендации индивиду сконцентрироваться на своих собственных наиболее субъективных и личных чувствах. Это не оставляет ему никакого выбора, кроме как между болезненным самоанализом и замысловатым расчетом отдаленных, плохо понимаемых и неопределенных результатов. На самом деле, обдумывание-обсуждение, является предварительным исследованием различных курсов действия. Оно основывается на объективных ситуациях, а не на чувствах. Нет сомнений, что мы иногда впадаем в обдумывания и обсуждения эффекта действия на наши будущие чувства, думая о ситуации в основном с точки зрения ощущений удобств и неудобств, которые она нам принесет. Но эти моменты действительно являются нашими сентиментальными моментами жалости к себе или самовосхваления. Они ведут к болезненным ощущениям, софистике и изоляции от других, в то время как рассмотрение наших действий с точки зрения их объективных последствий приводит к прояснению и принятию во внимание того, как наши действия *скажутся на других*. (Курсив наш – В.Е. и В.А.). Первое возражение, следовательно, против рассмотрения обдумывания-обсуждения как расчета будущих чувств, если быть последовательным, состоит в том, что такое рассмотрение превращает аномальный случай в норму» [Ibid., p. 201 – 202]. Для Дьюи, неприятие во внимание возможных негативных последствий твоих действий для других является социальной аномалией [Ibid., p. 204 – 205]. В современной же экономической теории мейнстрима (а конкретно в новой институциональной экономической теории) взгляд на человека совсем другой. В ней вводится предпосылка оппортунистического поведения, которое связывается с коварством, ложью, воровством и мошенничеством [Уильямсон, 1996, с. 97].

2. Дьюи о первом каноне

Важнейшие мировоззренческие стандарты в соответствии с которыми функционирует первый канон экономической науки были заложены французской школой физиократов возглавляемой Франсуа Кенэ (1694 — 1774). Придворный врач французского королевского двора Франсуа Кенэ никогда не проводил никаких эмпирических исследований, построения его были чисто умозрительными. Приступив к написанию своих экономических трудов в возрасте старше 60 лет, он основывался при этом на своих знаниях врача относительно функционирования человеческого организма (экономика как организм: товары и деньги, как кровь в социальном организме) и на своей вере в существование универсальных экономических законов, аналогичных закону всемирного тяготения сформулированного Ньютоном. Физиократы назвали себя «экономистами» и первыми стали использовать термин «экономическая наука», которая, по их мнению, должна заниматься исследованием экономических законов сформулированных в виде количественных моделей [Dostaler, 2008-2009, p. 71]. Таким образом, речь у них шла об экономике как математической науке наподобие ньютоновской физики, однако в отличие от нее, теоретические построения физиократов не были основаны на изучении объекта исследования путем воздействия на него, или вообще какого-либо непосредственного контакта исследователя с ним.

Экономика не рассматривалась физиократами как деятельность, практика, откуда дуализм теория-практика и оторванность первой от второй. Вот, что пишет об этом дуализме Дьюи: «Его парализующий эффект на человеческую деятельность можно увидеть в той роли, которую он сыграл в восемнадцатом и девятнадцатом веках воплотившись в теории «естественных законов» в человеческих делах, в социальных вопросах. Утверждалось, что эти естественные законы являются по своей сути фиксированными; а наука изучающая общественные явления и отношения должна заниматься их открытием. После того, как эти законы оказываются выявленными, для людей не остается ничего другого, как только вести себя им подчиняясь, так как законы эти должны были править их поведением точно также как физические законы управляют физическими явлениями. Они рассматривались как единственные стандарты поведения в экономических делах, законы экономики [в соответствии с этой доктриной] являются «естественными» законами всех политических действий; все другие законы являются искусственными, человеческими изобретениями в отличие от нормативных правил самой природы. Политика *laissez-faire* была логическим заключением [таких рассуждений]. Попытки в организованном обществе регулировать ход экономических дел с тем, чтобы направить их на службу гуманистически понимаемых целей, рассматривались как вредные вмешательства, создающие помехи [протеканию естественных законов]» [Dewey, 1929, p. 211 - 212]. Таким образом, Дьюи объясняет связь между доктриной *laissez-faire*, авторами которой были физиократы, и их онтологическими взглядами на социальную реальность.

Следующий шаг в развитии экономического либерализма был сделан Адамом Смитом. Вот, что писал Дьюи о его теории: «[С]вободные экономические процессы порождают бесконечную спираль увеличивающихся изменений, и, направляемые «невидимой рукой» (эквивалент доктрине заранее установленной гармонии, столь распространенной в XVIII веке), усилия индивидуумов по увеличению личного благосостояния слагаются и идут на пользу обществу, создавая все более тесную взаимозависимость интересов. Идеи и идеалы новой политической экономии совпали с ростом промышленности, характерным для Англии еще до изобретения паровой машины, и распространились довольно быстро. Их влияние еще более усилилось после великой промышленной и коммерческой экспансии Англии, сопровождавшейся заменой ручного труда механическим сначала в текстильной промышленности, а затем и в других областях. Под влиянием промышленной революции старые идеи, направленные против политических действий как социального фактора, приобрели новое толкование. Подобные действия воспринимались уже не как посягательство на индивидуальную свободу, но как заговор против социального прогресса. Идея Локка о естественных правах приобрела более конкретное и более практическое значение. Естественные права по-прежнему воспринимались как более фундаментальные, чем права искусственные, изобретенные человеком. Однако такие естественные права утратили свойственное им ранее моральное осмысление и идентифицировались с правами на свободное промышленное производство и свободный торговый обмен. Эти более поздние идеи не принадлежат Адаму Смиту. Он позаимствовал их у французских физиократов, которые, судя по названию, верили в то, что общественными отношениями руководит естественное право, и которые идентифицировали естественное право с экономическим» [Дьюи, 1997, с. 60].

3. Дьюи и второй канон.

3.1. Немецкая историко-этическая школа Густава Шмоллера и развитие второго канона

В конце XIX века традиции экономической мысли идущей от физиократов и Смита был брошен вызов со стороны Новой немецкой историко-этической школы. Можно с уверенностью сказать, что в своих исследовательских практиках они решительно порвали с разделением теории и практики, необходимость тесной связи между которыми позже пропагандировал и обосновывал Дьюи, но основывались при этом не на прагматизме Чарльза Пирса, который был в Германии того времени не очень известен, а на своей отечественной философской традиции родственной прагматизму – герменевтике Фридриха Шлейермахера и Вильгельма Дильтея. При этом, немецкие экономисты естественным образом поместили в центр своих теоретических построений понятия аналогичные прагматистским понятиям «правил-привычек» и «верований-убеждений». Их исследовательские практики полностью соответствовали прагматистской

концепции «исследования-расследования». Столкновение старой французско-английской и новой немецкой традиций получило в экономической литературе название «спора о методах» (*Methodenstreit*). Старт этому спору был дан публикацией статьи Шмоллера «К методологии общественно-политических и социальных наук» [Шмоллер, 2011]. Эта статья фактически представляет собой развернутые рецензии на две книги: одна из них книга экономиста Карла Менгера «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» [Менгер, 2005] и другая философа Вильгельма Дильтея «Введение в науки о духе» [Дильтей, 2000]. Очень показательно, что первая из них была в статье полностью раскритикована, а вторая, наоборот, получила очень высокую оценку. Кратко охарактеризуем содержание спора между Менгером и Шмоллером.

По Менгеру изучать нужно обмен между индивидуальными хозяйствами, которые вместе составляют народное хозяйство. По Шмоллеру экономические органы/организации и институты составляют скелет экономического тела и изучать нужно именно их. Кроме того он считал, что необходимо изучать мнения и намерения людей и прежде всего властителей, так как социальная реальность есть не что иное, как проявление коллективной воли. Для главы австрийской экономической школы результатом исследований должны быть универсальные законы касающиеся экономического обмена, действующие с небольшими поправками в любую эпоху и для любых народов. Лидер немецкой историко-этической экономической школы считал, что максимум на что экономист-исследователь может рассчитывать - это понимание того, что происходит в данном месте (страна) и в данное время (эпоха). Так как реальность по нему исторична, то понимание прошлого может помочь в понимании настоящего. Вывод универсальных законов по Менгеру должен происходить дедуктивным способом на основе абстрактных построений и упрощенных предположений. Менгер следует той точке зрения, что цель теоретических наук – господство над реальным миром. Понимание экономической реальности по Шмоллеру не ставит своей целью господство. Оно может быть достигнуто путем досконального описания функционирования экономических организаций и институтов, совокупности правил, которым люди следуют, а также религиозных (идеологических) систем в которые они верят. Эти описания должны служить базой для детального анализа с целью построения концепций и обобщений, могущих вести к возникновению теории. Менгер считал абсолютно недопустимым смешение теоретических и прикладных исследований. Для него это было эквивалентно смешению, например, теоретической химии с химической технологией. Исследования Шмоллера было направлено на сугубо практические цели проведения социальных реформ в Германии, в которых он сам лично активно участвовал. Наконец менгеровская экономическая наука является абсолютно самодостаточной, все положения, например, о поведении людей она вырабатывает (постулирует) сама, не прибегая к помощи других наук, таких как психология и антропология. Шмоллер критиковал Менгера за то, что тот по видимому не знал крупных новых для того времени успехов эмпирической и

философской психологии, языкознания, философии права и этики, которые уже так сильно способствовали открытию тайн индивидуальной умственной жизни и психических массовых явлений, что игнорировать их экономистам совершенно нельзя. Шмоллер особенно выделял психологию и антропологию, как основу для всех других гуманитарных наук. Он считал, что только на основании психологии и антропологии, через науки о культуре и организации общества, можно решить проблему познания исторической связи последовательных общественных состояний [Шмоллер, 2011].

На первый взгляд может показаться удивительным насколько совпадали видения социальной реальности и способов ее познания у Шмоллера и Дьюи. Но на самом деле ничего удивительного в этом нет, ключ к пониманию этого совпадения является решительный отказ и того и другого от дуализма теория-практика.

3.2. Институциональная экономика Джона Коммонса

Институциональная экономика Джона Коммонса² [Commons, 1990], как направление экономической мысли [Коммонс 2011; 2012], и как исследовательская практика [Резерфорд, 2012а; 2012b], была основана на идеях прагматизма [Майровски, 2013а; 2013b]. Точно так же, как немецкие экономисты члены историко-этической школы, американские институционалисты первой половины XX века отбрасывали как экономический либерализм, так и марксизм. Они были убежденными сторонниками постепенных институциональных преобразований, основанных на детальных исследованиях-расследованиях тех элементов социально-экономической реальности, которые необходимо реформировать³. Постепенность эта определяется тем, что институты, в основе которых лежат правила-привычки и верования-убеждения, неизбежно являются инерционными. На смену привычек и убеждений нужно время и кропотливая работа в области образования-воспитания, в центре которого должна быть организация коллективного обдумывания-обсуждения. Без этого вновь введенные формальные нормы будут либо отторгнуты, либо искажены с самыми плачевными, а иногда и трагическими последствиями. Прагматизм Дьюи пропагандировал именно это: «Традиционная социальная мысль, писал Дьюи, обычно фиксирует различного рода дуализмы и антагонизмы, а затем занимается их разрешением. Типичная ее проблематика - дихотомия индивидуального и социального. На самом деле дихотомичная постановка проблемы - наследие аисторической традиции. Общество - это абстракция, охватывающая множество

² Джон Коммонс является авторитетным представителем исходного (*original*) институционализма. Более подробно об исходном институционализме см. [Ефимов, 2016]. В этой и других своих работах [Yefimov, 2003; Ефимов, 2009: 2010] В. Ефимов пытается восстановить на современной основе традиции исходного институционализма.

³ Недаром один из вариантов посмертно изданной книги Коммонса «Экономика коллективного действия» [Commons, 1950] был назван «Расследовательская экономика» (*Investigational Economics*) [Commons, 1998].

институтов и выполняемых людьми ролей. В своем функционировании они могут порождать дисбалансы, конфликты, ущемление прав личности и другие проблемные ситуации. Для их устранения требуется не теоретизирование по поводу дихотомий, а инженерная работа, как это принято в экспериментальных науках. Институты общества постоянно должны находиться в состоянии реформирования и модификации» [Юлина, 2010, с. 178 – 179]. Вот как видел Дьюи эту инженерную работу и разделение труда в ней между экспертами и общественностью: «Любое экспертное управление, при котором массы не получают возможности информировать экспертов о своих потребностях, есть не что иное как олигархия, правящая в интересах меньшинства... Иными словами, насущной потребностью общественности является совершенствование методов и условий проведения дебатов, обсуждения вопросов и убеждения граждан. В этом и состоит основная проблема общественности ... Успешность решения данной задачи, в сущности, зависит от раскрепощения и усовершенствования исследовательских процессов и распространения выводов, полученных в результате данных исследований. Само же исследование является задачей, целиком лежащей на плечи экспертов. Но демонстрировать свои особые знания и умения эксперты должны не на ниве формирования и осуществления политических стратегий, а в области обнаружения и популяризации тех фактов, от знания которых зависит любая политика... Нет никакой необходимости в том, чтобы знаниями и умениями, требующимися для осуществления соответствующих исследований, обладали многие члены общества; достаточно, чтобы эти многие были в состоянии судить о том, какое значение имеет добытое другими знание для общества в целом» [Дьюи, 2002, с. 151 – 152]. .

Институциональная экономика Джон Коммонса идет по этому же пути: «Аутсайдер, интеллектуал, политик никогда не смогут достичь [в своих суждениях] уровня обоснованности [непосредственных участников изучаемой деятельности], потому что они никогда не смогут знать по опыту все факты, которым должно быть уделено должное внимание в построении плана действий. Когда работодатели и работники понимают друг друга и стремятся не только к власти, но к разумным, в данных обстоятельствах, решениям, им не нужны аутсайдеры, сколько бы они не могли полагаться на них в других вопросах. Только тогда, когда они основывают свои взаимодействия друг с другом на силе, власти и напоминании о своих неотъемлемых правах, аутсайдеры могут быть полезны. Правильная роль «интеллектуала» или эксперта, это быть агентом, а не принципалом. Принципалами в промышленности являются объединенные работодатели и объединенные наемные работники. Экспертами являются адвокаты, статистики, бухгалтера, экономисты, посредники, советники, агенты, короче говоря, те, которых нанимают принципалы. Принципалы определяют то, что должно быть сделано, а их агенты выполняют это. Агент становится экспертом, потому что он является специалистом, и это означает, что он знает только детали небольшой части всех фактов, которые должны быть взвешены при принятии решения. Если принципалы отрекутся от принятия решений, и управление экспертами займет их место, то результат будет не менее

произвольным и принудительным, чем другие формы авторитаризма. Это может выглядеть, так сказать, «научно», но под именем науки будет скрываться незнание фактов, относящихся к другой науке. Ни один человек и никакая категория лиц, какими бы экспертами они не были, не может действительно представлять в должной пропорции все сталкивающиеся интересы, которые должны быть согласованы в принятии окончательного решения. Только носители этих интересов, то есть, принципалы, и должны решать» [Commons, 1919, p. 176-177].

В период между двумя мировыми войнами институционализм входил в мейнстрим американской экономической науки. Положение изменилось после Второй мировой войны. Среди факторов, которые привели к отступлению исходного институционализма [Lee, 2009]. «называют антикоммунистическую истерию, которая заставила замолчать целое поколение радикальных и прогрессивных американских ученых, в том числе экономистов: «Итогом политических репрессий послевоенных лет вместе с репрессивным господством неоклассиков стало практически полное подавление марксистской экономической теории и непрерывное падение, ведущее к вымиранию, институциональной экономики» [Ibid., p. 40]. Слежке ФБР был подвержен и сам Джон Дьюи.[Weineke, 1987]. Кроме того, в годы холодной войны общая и ее такие области неоклассической теории, как линейное программирование и теория игр, получали значительные объемы финансовой поддержки из Вашингтона, а также от частных фондов, поскольку они внесли свой вклад в укрепление национальной обороны. В результате «подход, ориентированный на описание институтов, стал практиковаться значительно меньше, чем раньше и почти исчез» [Lee, 2009, p. 35].

Итак, можно сказать, что идеи Дьюи соответствовали позиции представителей новой немецкой историко-этической школы и американского институционализма (в случае Коммонса, это соответствие было вполне сознательным). Поэтому второй канон с некоторым основанием можно назвать прагматистским.

4. Дьюи и политический либерализм

Норвежский экономист Эрик Райнерт выдвинул гипотезу о корреляции абстрактности в экономической теории и либеральности экономической политики. [Райнерт, 2011]. В работе В. Автономова эта гипотеза подверглась уточнению: абстрактный канон может быть слишком абстрактным, чтобы обращать внимание на такие мелочи, как формы собственности и организации экономической жизни [Автономов, 2013]. Но в случае, когда его представители формулируют рекомендации для государственной политики, они выступают против тонкой настройки и ручного управления, за следование всем известным общим принципам, (вредность инфляции вообще, независимость центральных банков и т.д.) Здесь позиция первого канона совпадает с доктриной классического экономического либерализма – свободы от государства или негативной свободы

по Исаяе Берлину. В своей работе «Либерализм и социальное действие» Дьюи характеризует экономиста Дж.С. Милля как представителя «раннего либерализма»: «Убеждения и методы раннего либерализма оказались неэффективными, столкнувшись с проблемами социальной организации и интеграции. Их неадекватность во многом и вызвала распространенное в настоящее время убеждение, что весь либерализм является устаревшей доктриной» [Dewey, 2000, p. 37]. Говоря о Милле, Дьюи замечает, что утилитаристы добавили к абстракции экономического человека абстракцию правового и политического человека, однако, так и не смогли коснуться самого человека [Ibid., p. 38].

Кризис либерализма Дьюи характеризует следующим образом: «Есть еще люди, кто называют себя либералами, которые определяют либерализм в терминах старого противопоставления области организованного социального действия и области чисто индивидуальных инициативы и усилий. Во имя либерализма они ревниво оберегают [общество] от любого расширения правительственной деятельности. Они могут неохотно уступать необходимости специальных мер защиты и облегчения [положения трудящихся], предпринимаемые государством в периоды большого социального напряжения, но они являются закоренелыми врагами социального законодательства (даже запрещения детского труда), в качестве постоянных мер политического курса. Вольно или невольно, они по-прежнему обеспечивают интеллектуальную систему апологетики для существующего экономического режима, который они, как ни странно и иронически это может показаться, отстаивают как режим индивидуальной свободы для всех» [Ibid., p. 35].

Свое же понимание либерализма, Дьюи поясняет так: «Большинство тех, кто называет себя либералами сегодня, придерживается принципа, что организованное общество должно использовать свои полномочия по созданию условий, при которых масса людей может обладать фактической, в отличие от чисто юридической, свободой. Они определяют их либерализм конкретно в терминах программы мер движущих [общество] в этом направлении. Они считают, что концепция государства, которая ограничивает его деятельность поддержанием порядка в отношениях между индивидами и обеспечению возмещения [ущерба] одного человека, когда другой человек нарушает его свободу, которая дарована ему существующим законом, является по существу оправданием жестокости и неравенства, имеющих место в рамках существующего порядка» [Ibid.]. Очевидно, Дьюи имеет в виду то, что Исаяя Берлин называл позитивной свободой.

Франклин Рузвельт в последний год жизни имел намерение частично осуществить либеральный проект Джона Дьюи в виде второго или экономического «Билля о правах», который так и не был предложен. В этот перечень прав должны были войти: «право на полезную и оплачиваемую работу в промышленности, торговле или сельском хозяйстве страны; право на доход, достаточный для покрытия потребностей в пище, одежде и отдыхе; право фермеров реализовывать свою продукцию по ценам, обеспечивающим их семьям

достойную жизнь; право каждого предпринимателя – крупного или мелкого – вести бизнес в условиях, исключающих несправедливую конкуренцию или засилье монополий внутри страны или за границей; право каждой семьи на достойное жилище; право на полноценное медицинское обслуживание, на реальную возможность приобрести и сохранить хорошее здоровье; право на достаточное экономическое обеспечение в старости и в болезни, страхование от несчастных случаев и безработицы; право на хорошее образование» [Рузвельт, 2003, с. 351].

Новое понимание либерализма, основанное на принципах позитивной свободы, возобладало во времена правления администрации Рузвельта в американском политическом дискурсе. В более поздней реальной политике дело обстояло сложнее: во времена доктрины «великого общества» при президенте Джонсоне влияние «либерализма позитивной свободы» было велико, а затем значительно уменьшилось. Одним из важных аргументов у противников либерализма Дьюи было то, что позитивная свобода, по их мнению, имеет тенденцию вытеснять, а в предельном случае и полностью уничтожать негативную. При этом они апеллировали к тому, что большие тоталитарные проекты двадцатого века - коммунизм и фашизм - были осуществлены именно под лозунгом позитивной свободы.

Либеральный проект Джона Дьюи предусматривал кардинальное изменение всего социального порядка. Ядром этого нового либерального социального порядка должно было стать то, что уже после смерти Дьюи стали называть делиберативной (совещательной) демократией⁴, в рамках которой роль экспертов, в том числе и экономистов, очень велика, но ни в коей мере не сводится к обслуживанию только представителей правительства и бизнеса. Мало того, она состоит не к подготовке «рекомендаций» на основе каких-то теорий, как это имеет место в настоящее время, а в проведении исследований-расследований функционирования действующих институтов и доведения результатов этих исследований до широкой общественности, в том числе и через средства массовой информации. Можно сказать, что основной задачей экономистов-исследователей в этой системе становится *институциональный мониторинг*.

В первом разделе статьи мы уже упоминали, что наряду с понятием исследования-расследования (*inquiry*), Дьюи использовал понятие «интеллектуальный поиск» (*intelligence*). По его мнению, «кризис либерализма связан с отказом от выработки и использования адекватного понимания интеллектуального поиска интегрированного в социальные движения, как фактор дающий им направление» [Dewey, 2000, p. 51]. Он писал: «Социальное и историческое исследование на самом деле является частью самого общественного процесса, а не чем-то вне его. Следствием непринятия во внимание этого факта является то, что выводы социальных наук не были (и до сих пор в значительной мере) не являются интегральными частями программы социального действия.

⁴ Делиберативная демократия (*deliberative democracy*) предполагает вовлечение рядовых граждан затронутых определённой проблемой в обдумывание-обсуждение (*deliberation*) и участие в принятии решений по этой проблеме.

Когда выводы исследований-расследований касающиеся человека остаются вне программы социального действия, социальная политика обязательно остаётся без руководства, которое знание о человеке может обеспечить. И такое обеспечение нужно осуществлять, если мы не ходим, чтобы социальное действие направлялось бы либо просто прецедентом, либо интуицией отдельных умов. Социальная концепция природы и функционирования интеллектуального поиска до сих пор незрела; и как следствие этого, её использование в качестве руководства для социального действия является рудиментарным и носит спорадический характер. Трагедией раннего либерализма является то, что как раз в то время, когда проблема социальной организации была наиболее актуальной, либералы не смогли использовать для её решения ничего, кроме концепции интеллектуального поиска, рассматривающей его как чисто индивидуальный процесс» [Ibid., p. 51 – 52]. Это касается в частности такой важнейшей социально-экономико-политической проблемы как институциональные изменения.

Дьюи предупреждает об ошибочном способе проведения институциональных изменений и даёт ключ к их успешному осуществлению: «Когда индивид или коллектив сталкиваются с какой-либо простой или сложной проблемой, то первым делом делается попытка решить ее на основе знания накопленного на основании прошлого опыта, а также следуя уже сформированным правилам-привычкам. Однако, при возникновении новых условий, и знания и правила-привычки должны быть модифицированы. Когда дело касается коллективных проблем, правила-привычки, имеющие к этому отношение, представляют собой традиции и институты. Постоянная опасность при этом состоит в том, что либо эти традиции и институты будут действовать неявно, без реконструкции с тем, чтобы соответствовать новым условиям, либо что будет осуществлён нетерпеливый и слепой бросок вперед, направленный только некоторой догмой, которой [осуществляющие институциональные изменения] будут жестко придерживаться. Обязанность интеллектуального поиска при возникновении проблемы у отдельного лица либо сообщества состоит в том, чтобы осуществить рабочую связь между старыми привычками, обычаями, институтами, верованиями и новыми условиями. То, что я назвал посреднической функцией либерализма, совпадает с работой интеллектуального поиска. Этот факт является основой, осознаём мы это или нет, особого значения, которое либерализм придаёт роли освобожденного интеллектуального поиска как метода направляющего социальное действие» [Ibid., p. 56]. Такой интеллектуальный поиск, как важную часть социального действия, видимо, является необходимым условием успешных институциональных преобразований.

-oOo-

В заключении отметим, что второй канон (немецкая историко-этическая школа и американский исходный институционализм) предполагает, что важнейшим источником социальных регулярностей является следование индивидуумов из определенного сообщества правилам-привычкам принятых в этом сообществе. Эти правила-привычки связаны с лежащими в их основе

верованиями-убеждениями, которые фиксируются, а иногда и ставятся под сомнение в дискурсах индивидуумов. Откуда следует, что для выявления социальных регулярностей необходимо изучение этих дискурсов. Ограничиваясь изучением количественных экономических данных, экономисты попадают в ловушку «овеществления» человеческих взаимодействий и изучают их результаты вместо того, чтобы изучать сами эти взаимодействия. Обдумывания-обсуждения, циркулирующие в определенном сообществе, связанном с исследуемой проблемой, с одной стороны, должны быть объектом изучения (исследования-расследования), а, с другой стороны, если они направляются определенным образом, в том числе и через образование-воспитание, могут стать важным инструментом институциональных изменений.

Список литературы

- Автономов В.С.* Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // *Вопросы экономики*. 2013. № 4. С. 4 – 23.
- Гаррета Г.* Наука, этика и общество: Дьюи и прагматистское исследование-расследование // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Том 15. Вып. 3. С. 5 – 30.
- Дильтей В.* Введение в науки о духе. Собрания сочинений в шести томах. Т. 1. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Дьюи Дж.* Либерализм и социальные действия / Пер. В. Нагдасевой // *Демократия и XX век: Хрестоматия по курсу гражданского образования для педагогических университетов*. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гуманитар. центра, 1997. С. 55–70.
- Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Ефимов В. М.* Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // *Мир России*. 2009. № 1. С. 74–116.
- Ефимов В. М.* Русская аграрная институциональная система (историко-конструктивистский анализ) // *Вопросы регулирования экономики*. 2010. № 3. С. 8–91.
- Ефимов В.М.* Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики. М.: КУРС: ИНФРА-М, 2016.
- Коммонс Дж.* Правовые основания капитализма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
- Коммонс Дж.* Институциональная экономика // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 3. С. 69–76.
- Майровски Ф.* Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 1. С. 100–116.
- Майровски Ф.* Философские основания институционалистской экономики (Часть 1) // *Terra Economicus*. 2013a. Т. 11. № 2. С. 82–93.
- Майровски Ф.* Философские основания институционалистской экономики (Часть 2) // *Terra Economicus*. 2013b. Т. 11. № 3. С. 72–88.

- Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Основания политической экономии. М. : ИД «Территория будущего», 2005. С. 289–495.
- Пирс Ч.С.* Избранные философские произведения / пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М. : Логос. 2000.
- Порус В.Н.* Корреспондентная теория истины // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010, т. II, Е – М, С. 313–314.
- Райнерт Э.С.* Почему богатые страны становятся богатыми, а бедные остаются бедными? М. Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011.
- Резерфорд М.* Висконсинский институционализм: Джон Р. Коммонс и его студенты // Terra Economicus. 2012а. Т. 10. № 2. С. 32–53.
- Резерфорд М.* Полевые, тайные и включенные наблюдатели в американской экономике труда: 1900–1930 годы // Terra Economicus. 2012б. Т. 10. № 4. С. 91–106.
- Рузвельт Ф. Д.* Беседы у камина. — М. : ИТРК, 2003.
- Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. — СПб.: Лениздат, 1996.
- Шмоллер Г.* К методологии общественно-политических и социальных наук // Terra Economicus. 2011. Т. 9. № 3. С. 31–49.
- Юлина Н.С.* Философская мысль в США XX век. М.: «Канон⁺», 2010.
- Veineke J.A.* The Investigation of John Dewey by the FBI // Educational Theory. 1987. Vol. 37. No. 1. P. 43 - 52.
- Commons J.R.* Industrial Goodwill. New York : McGraw Hill Book Company, 1919.
- Commons J.R.* The Economics of Collective Action. New York: The Macmillan Company, 1950.
- Commons J.R.* Institutional Economics. Its Place in Political Economy. New Brunswick :: Transaction Publishers, 1990.
- Commons J.R.* Investigational Economics // Samuels W.J. (ed.) Research in the History of Economic Thought and Methodology. Archival Supplement 7. Greenwich, Connecticut: JAI Press Inc. 1998. P. 39 – 326.
- Dewey J.* Human Nature and Conduct: An Introduction to Social Psychology. New York : Henry Holt, 1922
- Dewey J.* The Quest for Certainty, a Study of the Relation of Knowledge and Action. Gifford Lectures. London: George Alien &. Unwin Ltd. 1929.
- Dewey J.* Lectures in China, 1919 – 1920. Honolulu : The University Press of Hawaii, 1973.
- Dewey J.* Liberalism and Social Action. Amherst. New York : Prometheus Books, 2000.
- Dostaler G.* Les lois naturelles en économie. Émergence d'un débat // L'Homme et la société. 2008/4–2009/1. № 170–171. P. 71–92.
- Lee F.* A History of Heterodox Economics: Challenging the Mainstream in the Twentieth Century. London and New York : Routledge, 2009.
- Yefimov V.* Economie institutionnelle des transformations agraires en Russie. Paris: l'Harmattan, 2003.